

признания их мнимыми, которые основаны на их производном от основного договора характере. Таким примером может быть совпадение предмета и содержания основного договорного обязательства и дополнительного соглашения о его изменении, когда фактически изменение основного обязательства не производится, оно лишь декларируется. Так, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что в соглашении о прекращении обязательства новацией не произведена замена первоначального заемного обязательства новым обязательством, а также не предусмотрен иной предмет обязательства либо иной способ его исполнения. При этом предмет как первоначального, так и нового обязательства был один и тот же: обязанность уплатить деньги. Способ исполнения также не менялся. При таких обстоятельствах кассация согласилась с выводом суда первой инстанции о том, что спорное соглашение являлось мнимой сделкой, совершенной без намерения создать правовые последствия⁹.

Взаимосвязь основного и дополнительного обязательств настолько выражена, что на мнимость соглашения об изменении или расторжении основного договора может влиять даже срок его заключения. Например, в п. 46 постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г.¹⁰ указано, что всякие соглашения, предусматривающие передачу предмета залога в собственность залогодержателя, являются ничтожными, за ис-

ключением тех, которые могут быть квалифицированы как отступное или новация обеспеченного залогом обязательства. При этом следует учитывать, что включение соглашения об отступном в основное обязательство или в договор о залоге, а также заключение подобного соглашения в один день с вышеуказанными договорами может привести к признанию соглашения об отступном мнимой сделкой¹¹.

Подводя итог анализу судебной практики, касающейся признания мнимыми соглашений об изменении или расторжении договоров, следует отметить, что для этого вида сделок характерны все основные критерии мнимости, присущие и иным видам гражданско-правовых сделок. Однако специфика дополнительного характера такого рода соглашений оказывает влияние на особенности оснований признания их мнимыми. С другой стороны, особенности соглашений об изменении или расторжении договора как способа защиты гражданских прав также накладывают определенный отпечаток на черты их фиктивности, так как в этих случаях один из способов защиты (в виде изменения или прекращения правоотношения) предстает в виде особой разновидности злоупотребления правом. В этом смысле и иные основания недействительности таких соглашений нуждаются в дальнейшем подробном изучении.

ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОГО ИМЕНИ ДЛЯ СУБЪЕКТА ПРАВООТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

А. А. Иванов, доцент Московского университета МВД России, кандидат юридических наук

Имя современного человека состоит из фамилии, собственно имени и отчества. Эти сведения человек получает с момента рождения. По большому счету эта информация (антропоним) несет исключительно индивидуализирующую конкрет-

ного человека нагрузку, для элементарного выделения его среди прочих людей. В Древнем Риме все было гораздо сложнее.

Важность имен римлян подчеркивает тот факт, что государство всегда держало этот вопрос на осо-

⁹ См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 27.01.2005 № А17-419/9 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁰ См.: О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского Кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 // Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ». - 2001. - № 1. - С. 50.

¹¹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ № 5246/97 от 09.12.1997 // Хозяйство и право. - 2000. - № 1. - С. 64.

бом контроле (например, аналог современной фамилии - номен, можно было сменить лишь силой особого постановления народного собрания). За незаконное присвоение римского имени иностранцем, вольноотпущенником или рабом предусматривалась смертная казнь. При императоре Клавдии иностранцам было строжайше запрещено брать римские родовые имена. Издесь можно проследить удивительное переплетение в жизни римского общества сакральности, традиций и права. Находясь в окружении многочисленных врагов, граждане поневоле консолидировались. Так как враги были не только где-то за пределами городских стен, но и в самом Риме. Все неграждане (латины, перегрины, рабы), которых было гораздо больше, так и именовались чужаками (*hostes*).

Первоначально имя римского гражданина состояло только из двух, а позднее из трех элементов: личного имени - преномена (*praenomen*), названия семьи или рода - номена (*nomen gentile*), в некоторых случаях к ним добавлялось указание на какую-то особую ветвь рода, отдельную семью - когномен (*cognomen*). Впоследствии (в позднереспубликанский период) стало обязательным еще добавлять к ним наименование одной из 35 городских триб (районов), к которой гражданин был приписан, а также заслуженное (в любом смысле) личное прозвище - агномен (*Scaevola* - левша, *Probus* - честный, *Celsus* - высокий, Цицеро - горех).

Родовое имя в этом ряду было важнейшей характеристикой члена городской общины, так как именно оно (и только оно) указывало на корни его фамильного дерева, на его принадлежность к «истинным» римлянам - патрициям (квиритам). Тем самым поднимало его статус на недостижимую для большинства жителей высоту, не только наделяя широчайшим спектром прав и обязанностей, но и обеспечивая ему личную неприкосновенность за пределами Рима¹. Наличие когномена свидетельствовало о древности рода и о многих его представителях, прославившихся в веках; либо он давался специально, если в роду уже были одноименные люди. По этой причине эта часть имени была не у всех. Агномен же был непременной принадлежностью конкретного человека для его четкой идентификации. Эта часть, как правило, не передавалась по наследству. Минимально необходимый состав имени римского гражданина мог звучать

так: Марк Туллий, сын Марка, из трибы Корнелия, Цицерон.

Человека, перешедшего в другую семью (усыновленного), также можно было узнать по имени. В этом случае он к имени своего рода добавлял полные атрибуты имени нового патерфамилияс. Например, Октавиан после усыновления Цезарем стал именоваться Гаем Юлием Цезарем Октавианом (*Gaius Julius Caesar Octavianus*).

С этой позиции становится ясно, почему у женщин было только домашнее имя. В официальном имени они, будучи полностью зависимыми от главы семейства и практически не имея возможности самостоятельного участия в большинстве гражданско-правовых отношений, а также лишеными какого-либо права участия в политической жизни общества, совершенно не нуждались. Их имя складывалось только из номена (родового имени) мужа и/или отца (поэтому имя дочери Цезаря было Юлия), а полное имя могло звучать так: *Cornelia, filia Cornelia, Gracchi* - Корнелия, дочь Корнелия, (жена) Гракха. В большинстве случаев личное имя, как правило, или отражало возрастные особенности (*Iulia Maior* и *Iulia Minor*), или обозначало сестер в порядке очередности (*Iulia Secunda* и *Iulia Tertia*).

В плебейском роду наличие нескольких когноменов, а следовательно, ряда самостоятельных семей, указывало на его экономическую состоятельность, что, в свою очередь, позволяло ему объединяться в брачных связях с патрициями. Кроме того, обладатели таких имен могли ожидать (и даже требовать) большего уважения от своих деловых партнеров и политических противников, и соответственно, повышенные шансы на избрание в аппарат городского управления².

В отношении рабов никакого твердого порядка их именованья не существовало. Они могли называться своим национальным именем, которое имели до своего настоящего состояния, или с рождения носить обыкновенное римское имя; по месту происхождения (галл, финикиец, сириец); иметь личное прозвище (хромой); зваться по номеру (первый, третий) или особым профессиональным навыкам (пекарь, садовник) и др. Таким образом, полное имя раба включало его личное имя, имя хозяина, указание на его рабское состояние (слово *servus* в сокращенном виде) и род занятий. В течение жизни личное имя раба могло меняться несколько раз. След-

¹ По имеющейся древнейшей традиции находившемуся за пределами города, но в его владениях, гражданину достаточно было произнести формулу: *Civis Romanus sum!* («Я гражданин Рима!») - для того, чтобы все располагающиеся на данной территории управленческие структуры и местные чиновники предприняли возможные меры для оказания ему помощи.

² См.: Петер У. О выделении плебейской верхушки в Риме (до 367 г. до н. э.) // Античность Европы: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. И. Л. Маяк, А. З. Ньюкаевой. - Пермь, 1992. - С. 32-37.

ствии этого нередко в договоре о покупке рабов следовала оговорка: «или каким бы другим именем он ни назывался» (*sive is quo alio nomine est*). При переходе в собственность другого хозяина к имени раба добавлялся когномен прежнего владельца (например, *Philargyrus librarius Catullianus*, Филаргир, писец, купленный у Катутла).

Вольноотпущенники из освобожденных рабов, находясь в состоянии клиентов, хотя и приобретали права римских граждан, но в довольно усеченном виде. И такое положение также полностью отражалось на их именах. До I в. н.э. в их состав было включено название трибы, к территории которой они были приписаны. После запрещения им участия в работе народных собраний этот компонент был изъят. Вместо этого они имели прономен и номен своего патрона, и это было указанием на их зависимое положение от него. Учитывая, что рабами в Риме владели главы и некоторые члены семейств, отдельные коллегии и города, а также само государство, то имя прежнего владельца полностью сказывалось в именовании вольноотпущенника³. Собственное же имя, становясь теперь уже прозвищем, всегда служило свидетельством пре-

жнего состояния такого гражданина, и тем самым выделяло его среди прочих (*Lucius Valerius Trophimus* - Трофим, вольноотпущенник Луция Валерия).

Состояние клиентулы предопределяло отношение субъектов к своему благодетелю. Клиент как бы вливался в семью патрона, усыновлялся им. Более того, он приобщался к родовому культу. Его и патрона связывали сакральные узы, которые не позволяли им бросать в беде друг друга и выступать в суде друг против друга.

Таким образом, имя для римлянина имело гораздо большее значение, чем просто индивидуализирующий его факт. Оно определяло круг его общения и являлось, по сути, своеобразной визитной карточкой человека. В конце республиканского периода имя стало отражать всю гамму правового положения жителя Рима, подчеркивая не только гражданский статус лица и его социально-политическое положение, но и выражая основные моменты его биографии и историю семьи (состояние свободы, гражданства, брачно-семейное положение, родственные линии, личные качества, важнейшие события жизни и многое другое).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В. В. Каширина, доцент кафедры правоведения и методики преподавания права Омского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент

В правовом регулировании недвижимости очень много тонкостей, в повседневной деятельности приходится учитывать самую разнообразную судебную практику. Все те проблемы, которые порождаются предпринимательской практикой в сфере коммерческой недвижимости, оборотом жилой недвижимости, а также судебно-арбитражной практикой, в конечном итоге восходят к понятию недвижимости.

В последние годы наблюдается заметный интерес к вопросам правового регулирования оборота недвижимого имущества. Это обстоятельство объективного характера. Рынок недвижимости в России пережил период становления, и в настоящее время существует необходимость осмыслить все, к чему пришла экономическая и правовая мысль в области оборота недвижимого имущества.

Не случайным поэтому стало появление Кон-

³ Более подробно об этом см.: Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. - М., 1982. - С. 85-101.